

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

СТРЕЛЕЦКИЙ ПОЛКОВНИК АРТАМОН МАТВЕЕВ

Артамон Сергеевич Матвеев, «худородный» фаворит царя Алексея Михайловича, широко известен как персонаж, сделавший блестящую для своих стартовых позиций карьеру, и как человек, самым тесным образом связанный со второй женой царя, приведшей к появлению на свет Петра I, обеспечившему пик этой карьеры в первой половине 1670-х гг. Правда, в последнее время П. Бушкович, под влиянием сделанных еще в начале XX в. выводов и наблюдений Е.Ф. Шмурло¹, поставил под сомнение близкую связь А.С. Матвеева и Алексея Михайловича в более ранний период и возможное его влияние на выбор кандидатуры невесты².

Подобные выводы, казалось бы, имеют под собой почву — А.С. Матвеев, дьяческий сын, отнюдь не принадлежал к московской аристократии и долгое время (почти четверть века до своего взлета) делал не слишком «почетную» с ее точки зрения карьеру стрелецкого полковника одного из 24 на начало 1660-х гг.³ московских стрелецких полков, которая вроде бы не должна была способствовать личным контактам и тесной связи между столь «нестатусным» лицом и государем.

Однако так ли это? И столь ли невысок был статус и влияние московских стрелецких полковников при дворе?

Московские стрелецкие приказы, созданные в ходе «реформ 1550-х гг.» (шесть приказов по 500 человек) как личная охрана государя, и, возможно, как пехотная составляющая «государева полка»⁴, в составе которого они некоторое время учитывались, уже с самого начала возглавлялись, как показал В.Н. Глазьев, лицами, принадлежащими к Государеву двору (чаще всего московскими дворянами,

имевшими тогда даже более высокий статус, чем позднее), и большая часть этих лиц попала в его состав в результате «тысячной реформы» преимущественно из вошедших в «избранную тысячу» провинциальных дворян, отнесенных в ней к 3-й статье⁵. Московские стрелецкие «головы» и в дальнейшем нередко комплектовались из недавно вошедшего в Государев двор провинциального дворянства⁶, принадлежащего к верхушке местных корпораций – честолюбивой, мобильной и активной, которая получала таким образом возможность делать карьеру вне сложившихся московских кланов, вряд ли позволивших бы подобное продвижение в самом Государевом полку и при дворе. Как командиры частей столичного гарнизона, несущих караулы при дворе, они волей-неволей приобретали доступ к государю, который нуждался в их лояльности и доверенности. Поэтому их статус в обществе оказывался выше формального в традиционной системе «московских чинов» – так, например, командиры почти всех московских стрелецких приказов (пять московских стрелецких голов) участвовали в «избирательном» Земском соборе 1598 г.⁷ (точнее, скрепили своей подписью составленную чуть позднее⁸ «утвержденную грамоту» этого собора).

Это положение во многом сохранялось и при Алексее Михайловиче: из как минимум 11 «столов» (торжественных обедов с участием верхушки знати, куда приглашались, однако, далеко не все ее представители), данных при дворе в период с января по август 1657 г., головы московских стрелецких приказов участвовали почти в трети (как минимум в трех)⁹.

Вероятно, более высоким статусом среди них отличались представители первых, еще «досмутных» стрелецких приказов, и вряд ли случайно, что А.С. Матвеев делал свою карьеру в одном из них.

А.С. Матвеев начал свою карьеру в стрелецких полках уже в 1640-е гг.: в 1651 г. он, будучи «головой» московских стрельцов, был пожалован «за белгородскую службу и за воловое земельное дело 154 и 155 года... да за Царя Алексеевскую службу и за валовое земельное дело 157 года» придачами к поместному и денежному окладу в общей сложности в 300 четей и 40 р.¹⁰ – т.е., еще в 1646–1647 гг. и в 1649 г. он выводил московских стрельцов в походы на Белгородскую черту в период самого интенсивного ее строительства (в район Яблонова-Белгорода и Царева-Алексеева) и участвовал в повинности по возведению земляного вала на важнейших ее участках. Судя по всему, уже тогда, еще не достигнув двадцатипятилетнего возраста, он служил

сотником или полуголовой в полку М.М. Баскакова, отправленном в числе 4 московских стрелецких «приказов» в полку воеводы кн. В.П. Львова строить Царев-Алексеев (будущий Новый Оскол), – в одном из старейших московских стрелецких полков, расселенном в районе Трубной площади, командиром которого он станет вскоре, примерно в конце 1648 г.¹¹ (и вовсе не исключено, что в связи с какими-то событиями московского кризиса 1648 г.).

Возможно, еще до очередного вывода своих стрельцов на черту в 1649 г. уже в качестве головы стрелецкого «трубного»¹² приказа он принадлежал к «морозовской» группировке, в рамках которой в основном формировалось будущее окружение Алексея Михайловича – во всяком случае, он принял хотя бы косвенное участие в завершающем ударе по группировке Романова-Черкасского – в инициированном Б.И. Морозовым «деле Савинки (Савки) Корепина», бывшего «беломестца» кн. Н.И. Романова, в раздражении от потери своего льготного положения с ликвидацией «белых слобод» в городах позволившего себе крамольные речи о том, что «царь молодой глуп», и «черт-де у него ум отнял», ибо «глядит-де изо рта у бояр» Б.И. Морозова и И.Д. Милославского, и даже грозившего кровавым бунтом, в случае, если Н.И. Романов и Я.К. Черкасский призвут к нему народ. Об этом Савинко вел разговоры с колодниками на дворе самого Никиты Романовича, что бросало на последнего зловещую тень. После пыток 19 января в присутствии всей Думы Савинко был «отдан голове стрелетцкому Артемону Матвееву», через которого просил о духовнике, и был приговорен Думой к смерти 29 января 1649 г., в день утверждения Соборного уложения¹³. Участие Матвеева в столь деликатном деле – свидетельство о значительной степени доверенности к нему.

Матвеев, несомненно, был известен царю уже в 1650-е гг., ибо уже тогда он, тридцатилетний стрелецкий полковник, неоднократно жаловался царем. В 1653 г. именно миссия А.С. Матвеева на Украину подтолкнула к решению о принятии ее в российское подданство¹⁴. 16 августа 1654 г. он со своим стрелецким приказом участвовал в ожесточенном семичасовом штурме Смоленска и вел свой полк на приступ к Днепровским воротам, за которыми наблюдал сам царь¹⁵. Матвеев, по его собственным словам, сыграл далеко не последнюю роль в успешных переговорах И.Б. Милославского о капитуляции гарнизона города¹⁶. По взятии Смоленска царь в письмах обсуждал с А.С. Матвеевым стратегию начавшейся войны¹⁷, а затем отправил его

к Богдану Хмельницкому, с которым в армии Г.Г. Ромодановского он совершил осенний поход 1655 г. на Каменец и Львов¹⁸. С 1656 г. Матвеев, снова отозванный в главный царский поход под Ригу, командовал в Прибалтике посланными на театр военных действий сотнями царских сокольников и стремянных конюхов, а затем и в Москве велел сокольниками, обслуживающими столь любимую царем соколиную охоту, что, несомненно, открывало ему личный доступ к Алексею Михайловичу: так, например, 5 июля 1657 г. государь пригласил его «к руке» на всенощном бдении в церкви Казанской Богородицы, и Матвеев передал свой полк, заступавший на караул, голове другого приказа Г. Остафьеву¹⁹. При традиционной замкнутости и непубличности царского двора, довольно жестко отделенного в царствование Алексея Михайловича от своих подданных (как отмечал Я. Рейтенфельс, «цари московские... весьма редко появляются среди народа, но скрываются в постоянном глубоком уединении. К ним никто, иначе как по зову, не смеет являться, за исключением весьма немногих вельмож... Все же остальные, как русские, так и чужестранцы, не только во внутренние покои, но даже близко к Кремлю не подпускаются»²⁰), это было свидетельством особого расположения и доверия государя.

Доверие это проявилось в своего рода «челночной дипломатии» А.С. Матвеева в первые годы Русско-польской войны: по отступлении царя из-под Риги он был послан в ноябре 1656 – марте 1657 г. вести весьма деликатные переговоры с литовским гетманом В. Госсеевским о переходе литовской армии в русское подданство и об обеспечении поддержки литовской шляхтой избрания Алексея Михайловича на польский престол, занимаясь одновременно разведкой и оценкой ситуации в Литве и на Украине; в июне 1657 г. (судя по всему, лишь формально успешно) пытался заставить Богдана Хмельницкого отказаться от самостоятельной внешней политики, союза с Ракоци и шведским королем и вернуться «под крыло» российского монарха²¹ – скорее всего, именно после возвращения от гетмана он и удостоился от царя приглашения к всенощной в Казанской церкви. Однако в официальной иерархии московских чинов его статус был пока невысок – еще в 1656/1657 гг. А.С. Матвеев по-прежнему числился стряпчим и не имел даже чина стольника²².

Тем не менее, А.С. Матвеев уже тогда был отличен государем: большинство командиров московских стрелецких приказов в 1657 г. по-прежнему именовались стрелецкими «головами», и лишь три

человека имели почетный статус «полковника и головы» стрелецкого (Авраам Лопухин, Семен Полтев и Артамон Матвеев); те же три человека имели его и два года спустя, «в 168 г.» (1659/1660 г.)²³.

Несмотря на свой не слишком высокий статус, Матвеев постоянно был в гуще событий, перемещаясь с одного театра военных действий на другой: в сентябре 1657 г. после смерти Хмельницкого он участвовал в переговорах с еще не изменившим И. Выговским²⁴, вернувшись на Украину, куда после измены гетмана был двинут в сентябре 1658 г. в армии А.Н. Трубецкого и его полк²⁵, а летом 1659 г. – в печально знаменитом Конотопском сражении, где сумел не потерять головы ни в прямом, ни в переносном смысле.

Несомненно, что уже к концу 1650-х гг. Матвеев имел стойкую репутацию умелого переговорщика, сочетавшего выполнение щекотливых поручений государя с хлопотным руководством стрелецким полком.

Кроме того, он был деятельным и распорядительным военным администратором, не терявшимся в критических ситуациях.

После успешного, но слишком позднего тяжелого осеннего похода 1655 г. Богдана Хмельницкого и В.В. Бутурлина подо Львов, когда в непривычно далеко оторвавшейся от своей территории русской армии на обратном пути «пришла самая нужда; отец сына, брат брата мечут, и пришел голод и холод», и солдаты, стрельцы и дворяне, бросив в степи осадную артиллерию («пушки все большие, числом 59») и артиллерийский обоз, разбежались, Матвеев, по приказу В.В. Бутурлина, покинутый с остатками своего стрелецкого полка в пустой степи, ежеминутно грозящей татарскими набегами, «впрегаясь сами под пушки, все 59 пушек и с запасы допровадил до Белой Церкви и до Москвы, а урона вашим... ратям не учинил»²⁶. Те же качества проявились и после Конотопа – А.С. Матвеев, видимо, сыграл далеко не последнюю роль в организации успешного отступления армии до Путивля («окоп, и обоз, и образец, и путь строил я, холоп твой»²⁷). Несмотря на непрерывные атаки черкас Выговского и татар, стремившихся «разорвать» обоз и захватить значительный полон, нападавшие «над обозом ничего не учинили», сами понеся значительные потери («черкас с 3000 и татар с 500 чел. убитыми»), и обоз пришел к р. Сейму «дал бог здорово»²⁸. Армия А.Н. Трубецкого, потерявшая под Конотопом 4769 чел., при длительном отступлении утратила «немногим больше 100 человек»²⁹. Чуть позднее Матвеев уже спасал непопулярного после этого полководца А.Н. Трубецкого

от не желавших идти в поход за Сейм его же ратных людей, которые «учинили бунт, и привели его боярина за епанчу, и я, холоп твой, со стрельцами его, боярина, отнял»³⁰.

Поэтому, несмотря на поражение, за Конотоп А.С. Матвеев получил серебряный ковш, атлас, 40 соболей, 100 четв. земли и 15 р. к поместному окладу, а также 700 ефимков «на вотчину». За свою «работишку» А.С. Матвеев и дальше продолжал исправно жаловаться государем, а совокупный поместный оклад его к 1660 г. достиг 1000 четей земли³¹.

Сближение с самодержцем усилилось после того, как стрелецкий полк Матвеева летом 1662 г. сыграл с двумя другими ключевую роль в охране особы государя в Коломенском от разбушевавшейся толпы и в жестоком подавлении «Медного бунта» и сразу же поднялся в иерархии стрелецких полков на почетное третье место³² (хотя, по сообщению П. Гордона, видимо, первоначально примкнула к восставшим и часть стрельцов приказов А.С. Матвеева и С.Ф. Полтева, которых он встретил «на марше с их довольно поредевшими полками»³³).

Участие в подавлении Медного бунта вряд ли могло сыграть ключевую роль в карьере Матвеева – он и раньше был хорошо известен государю и, как и С.Ф. Полтев, был уже давно выделен из ряда обычных стрелецких голов чином «полковника и головы». Но оно, несомненно, придало его карьере новый импульс, и, вероятно, с лета 1662 г. влияние Матвеева при дворе существенно возросло.

Возрастание влияния проявилось еще в одном любопытном эпизоде, как кажется, не замеченном исследователями.

Документы приказа Тайных дел сохранили сведения о попытке формирования в 1664 г. под командованием А.С. Матвеева еще и *рейтарского* полка.

Началось оно по меньшей мере уже весной: 29 марта 1664 г. на жалование рейтарам Матвеева было выдано 3200 р.³⁴, хотя, по-видимому, формирование полка еще далеко не завершилось – до конца апреля были выданы деньги на клей и жилы для тысячи лядунок для рейтар. Но комплект полка был далеко не полон, поскольку в него как минимум четырьмя партиями от 13 до 330 человек до 9 августа 1664 г. продолжали поступать «новоприборные рейтары»; накануне поступления последней и самой крупной партии в 330 человек матвеевский полк на 16 июля насчитывал 410 человек³⁵, и, вероятно, к августу 1664 г. численность полка достигла как минимум 740 человек. Полк комплектовался преимущественно из «ломовцев и тан-

бовцев», хотя среди новоприборных известно и имя «костромитина рейтара Прокофья Свирепова сына Роздериша»³⁶. Полк вряд ли случайно финансировался из приказа Тайных дел, находившегося под личным контролем государя, откуда на его содержание за эти пять месяцев было истрачено как минимум 8203 р., не считая жалования офицерам³⁷.

Возможно, эпизод этот свидетельствует о намерении Матвеева расширить сферу своего военного влияния и соединить (как это было позднее в полках «нового строя», где формирующийся генералитет иногда совмещал командование солдатскими и рейтарскими полками) командование стрелецким с управлением еще и рейтарским полком, пусть и менее «престижным» с точки зрения статуса, но зато сопряженным с контролем над большой группой провинциальных «служилых по отечеству» и значительными денежными ресурсами после недавнего перевода жалованья в серебряную монету. Об этом может свидетельствовать и пополнение командного состава полка близкими Матвееву людьми из его стрелецкой «клиентелы» – трижды за это время (в мае, июне и июле) месячное денежное жалование в 11 р. 8 алтын получил будущий дед Петра I «рейтарский ротмистр Кирил Полуехтов сын Нарышкин»³⁸. Его старший брат Федор Нарышкин уже в 1657 г. был полуголовой в стрелецком полку А.С. Матвеева и выводил вместо него полк в дворцовые караулы³⁹.

Однако, скорее всего, эти намерения остались нереализованными – с начала следующего (сентябрьского) 173 г. сведения о рейтарском полке А.С. Матвеева исчезают из документации приказа Тайных дел – возможно, что уже почти сформированный Матвеевым полк был передан под командование других лиц.

Тем не менее, этот эпизод с «матвеевскими рейтарами» вероятно, был еще одним доказательством особого расположения государя к А.С. Матвееву, которое явно проявилось весной следующего года при раздаче 5 апреля 1665 г. наград по случаю рождения царевича Семиона Алексеевича – из довольно узкого круга 10 пожалованных стрелецких командиров (куда входил и матвеевский полуголова Федор Нарышкин) только три стрелецких полковника (командир Стремянного полка Яков Соловцов, Семен Полтев и Артамон Матвеев) получили высшую награду в 100 р., остальные (даже «полковник и голова» Авраам Лопухин) – по 50, а полуголова – по 30 р.⁴⁰

Дальнейшему сближению с государем способствовала и хозяйственная деятельность А.С. Матвеева.

По некоторым сведениям, А.С. Матвееву по упразднении чеканки медной монеты был поручен надзор за московским денежным двором, возобновившим чеканку полновесных серебряных копеек, а возможно, и следствие над производившими фальшивую медную монету⁴¹ (сам Матвеев позднее ставил себе в заслугу организацию прибыльной чеканки серебряной монеты⁴², которая помогла восстановить серебряное денежное обращение).

Деловая хватка и организаторские способности Матвеева, видимо, «сидевшие в крови» сына дьяка-администратора, в хозяйственных делах проявлялись в полной мере, и не только в восстановлении чеканки серебра после Медного бунта, а в том числе и в отношении к собственному хозяйству, любовно собираемому столь же рачительно и умело, и столь несправедливо, по мнению Матвеева, утраченному в период опалы: «и за все... мои... службишки, пожалован я был... честью боярством, отчинами, поместьями; и куплены отчины вашим же государским жалованьем, а нажитком отца моего, который он наживал на ваших государских службах, в посольстве в Цареград, и в Кызылбашах, также и у ваших государских дел. А я, холоп твой, наживал вашею государскою милостию на службах полковых, и в посылках, и в посольских подарках, и у ваших государских дел будучи, и собирали мы их в 67 лет, и то все *без остатка без вины* отнято». Несмотря на незнатное происхождение Матвеева, он полон достоинства: трудами отца и своими он никогда не принадлежал к тем, «которые в чужих домах живали, и чужие платья нашивали, и чужой хлеб едали...»⁴³.

Но та же хозяйственная самостоятельность и распорядительность Матвеева проявлялись и за пределами его «домового обихода». Как глава большой и давно укорененной в столице стрелецкой слободы, при обычных для стрельцов занятиях промыслами и торговлей, Матвеев имел дополнительные возможности услужить двору, все активнее выступая в 1660-е гг. в роли своего рода «хозяйственного менеджера», не без успеха использовавшего ресурсы своего полка, и, кроме того, обеспечивавшего и своих стрельцов небезвыгодными⁴⁴ заказами.

Так, например, в ноябре 1664 г. стрелец матвеевского полка Петрушка Федоров по указу государя купил свежей рыбы на 47 р. 15 алт. 2 д. для посылки в Чудов монастырь на помин по боярине Федоре Карповиче Долматове, а в январе 1670 г. сам Матвеев приобрел крупную партию жемчуга для государя на весьма значительную общую

сумму в 439 р. 80 к. у своих пятидесятника и десятника Ивашки Носа и Васьки Стружова⁴⁵; в 1669 г. стрельцы матвеевского полка выполняли портняжные работы; четыре стрельца матвеевского полка с весны 1668 г. были отданы в ученики сафьянного дела мастеру Бориске Иванову⁴⁶, а с октября 1670 г. и сам царский сафьянный завод был передан в управление А.С. Матвееву⁴⁷.

Но еще значительнее было участие стрельцов матвеевского полка в строительных работах – по сути, матвеевский «трубный» полк представлял собой хорошо организованную строительную артель, выполнявшую не только плотницкие и каменные работы, но и работы, требовавшие довольно высокой квалификации.

Уже в феврале–марте 1665 г. А.С. Матвеев лично распоряжался работами по ремонту и украшению церкви Св. Евдокии, получив в общей сложности 250 р. на материалы и жалование мастеровым, а также «на покупку золота дву фунтов, из которого делать дать к образу Пресвятыя Богородицы Полоцкие и золотить оклады местных образов и царских дверей в церковь преподобномученицы Евдокии»⁴⁸. Это вовсе не было рядовой работой – церковь Евдокии, одна из церквей кремлевского Теремного дворца, была в 1657–1660 гг. личной «домовой» церковью Алексея Михайловича, в которой даже в 1659/1660 г. (хотя с 28 марта 1660 г. ее посещения почему-то внезапно прекратились) царь провел 40 % всех литургий, на которых он присутствовал в этом году⁴⁹. В 1669 г. стрельцы матвеевского приказа Ивашка Вязьма с товарищами выполняли сложные плотницкие работы в церкви Григория Неокесарийского, каменные работы в которой производили стрельцы стрелецкого приказа Василия Бухвостова (который, возможно, вовсе не случайно стал в 1670 г. преемником Матвеева на посту командира «трубного» приказа⁵⁰) – они выкладывали пол дубовым паркетом (мостили «в церкви и в трапезе и в алтаре мост дубовым кирпичом»); тот же Ивашка Вязьма годом раньше выступал в роли «насосника», строившего колодцы и какие-то элементы водопровода в Измайлове⁵¹.

Любимая царская резиденция в Измайлове по крайней мере с осени 1664 г., когда рубилась деревянная церковь Рождества Христова⁵², строилась при активном участии стрельцов матвеевского полка, которые занимались перевозкой строительных материалов, плотницкими и каменными работами и даже были садовниками («Родька Евсеев с товарищи»⁵³). Садовники из матвеевских стрельцов получали по 10 денег в день, т. е. как минимум по 1 р. в месяц, что, при годовом

денежном окладе московских стрельцов в 6–10 р.⁵⁴, могло стать существенной прибавкой к их доходам.

Уже с июня 1665 г. в каменных работах в Измайлове активно участвовал стрелец матвеевского полка Иван Кузьмин (Ивашка Кузнечик), который взял подряд на строительство каменных палат в Екатерининской роще⁵⁵; другая артель матвеевских стрельцов-каменщиков во главе с Ивашкой Филатовым с 1667 г. строила в Измайлове две каменные риги «на виноградном поле» и возводила «каменный амбар» на измайловской плотине⁵⁶. Все тому же Ивашке Кузнечику в 1667–1671 г. был передан целый ряд строительных подрядов для дворцового ведомства, и он, помимо возведения по заказу своего командира каменного храма Николая Чудотворца в Столпах в своей полковой слободе и церкви Григория Неокесарийского на Полянке для царского духовника Алексея Савинова, обустроивал в эти годы дворцовое Измайлово – не только возводил каменный амбар и Екатерининскую палату, но и руководил там возведением каменного Покровского собора⁵⁷. Значительная часть строительных работ в Измайлове выполнялась под руководством Матвеева, который сам или через своего «прораба» – пятидесятника его полка Гришку Карпова получал деньги на работы, производил закупку строительных материалов, организовывал их перевозки⁵⁸ и т. д. Вряд ли столь обширный круг строительных работ в Измайлове мог производиться без личных контактов и указаний Алексея Михайловича, любившего, как и его сын Петр, дотошно входить в мелочи и подробности планируемых им дел.

Деловые качества Матвеева, успевавшего, судя по его челобитным, среди всех своих многочисленных обязанностей, хорошо усвоить еще и выходящий за стандартные рамки чтения широкий круг традиционной духовной литературы, несомненно, способствовали его дальнейшему сближению с Алексеем Михайловичем, высоко ценившим православие.

Видимо, Матвеев в эти годы периодически вел беседы с царем и на духовные темы, результатом чего становились и не столь уж материальные подарки царя: 7 апреля 1670 г. Алексей Михайлович взял к себе в хоромы книгу Триодь цветную, а 16 апреля по его указу «дана книга Треодь Цветная в зеленом сафьяне, по обреза цветки, стольнику и полковнику Артемону Сергееву сыну Матвееву»; менее чем через месяц, 12 мая 1670 г. царь «изволил к себе взять книгу Скрижаль в хоромы и пожаловал стольнику и полковнику Артемо-

ну Матвееву», а «мая в 13 день после вечерни ВГ-рь изволил взять Псалтырь с следованьем в красном сафьяне, по обрезу золотом, и пожаловал ту книгу стольнику и полковнику Артемону Сергееву сыну Матвееву»⁵⁹.

И, возможно, не только репутацией умелого переговорщика, но и достаточным уровнем духовного образования было обусловлено и то, что в октябре 1666 г. именно А.С. Матвеев был отправлен царем встречать на пути в Москву «вселенских патриархов» – александрийского Паисия и антиохийского Макария – с весьма деликатной миссией: обеспечить их изоляцию от сторонников Никона и осторожно выведать, склонны ли они к осуждению бывшего патриарха на готовящемся церковном соборе и не имеют ли каких-то инструкций воспрепятствовать этому от куда более влиятельных патриархов Константинопольского и Иерусалимского (с чем, очевидно, стрелецкий полковник справился весьма успешно)⁶⁰. Матвеев и дальше принимал заметное участие в «соборе патриархов» 1666–1667 гг. и деятельно вмешивался в его работу: он вовремя усмотрел ошибку в формулировках двух первых статей по церковной реформе, касающихся чести государя, «и всему освященному собору рук прикладывать не дал», добившись, после доклада своего начальника П.С. Прозоровского царю и совета с Боярской думой, упразднения этих статей – вероятно, Матвеев был сторонником достигнутого в решениях собора расширения прав государя в церковной сфере, ибо активные противники подобного расширения, архиереи Павел Крутицкий и Илларион Рязанский⁶¹ после этого на Матвеева «великой яростию и ненавистию вознегодовали»⁶².

Матвеев и дальше опекал приехавших на собор патриархов: в мае 1668 г., накануне отпускной аудиенции антиохийского патриарха Макария, он занимался шитьем и украшением атласом риз его архимандритов и дьяконов⁶³.

При этом Матвеев вовсе не был жестким православным ортодоксом в сфере бытовой культуры – как известно по возникшему уже в ходе его опалы «делу Василия Репского», Матвеев был не чужд слушания и использования в своем быту инструментальной музыки с использованием органов и скрипок⁶⁴.

Но и умение вести переговоры оказалось востребованным – после собора, как верный слуга царя, имевший более чем десятилетний опыт решения украинских проблем, он был отправлен на Украину, вскоре после завершения русско-польской войны снова оказавшуюся в кризисной ситуации.

Война закончилась принужденным, несколько туманным и, со всей очевидностью, временным компромиссом между Речью Посполитой и Россией. Андрусовское перемирие 1667 г., вынужденно разделившее Украину на две части и отдавшее Правобережье под власть Польши, вызвало острое недовольство среди украинского казачества, прорвавшееся серией казацких мятежей как на польском Правобережье, так и на российском Левобережье. Недовольство на левом берегу Днепра усугублялось и тем, что после окончания войны российское правительство решило усилить над ним свой контроль, расположив по «полковым» городам русские гарнизоны с воеводами, начавшими собирать налоги в пользу украинских и российских властей. Левобережные казаки, кроме того, были недовольны неясной судьбой Киева, протестуя против возвращения его Польше, а также подозревали после Андрусова русское и польское правительство в намерениях проводить совместный «антиказачий» курс, направленный на ущемление их прав⁶⁵. Кроме того, казаки обеих сторон Днепра все еще жили надеждой на объединение под властью единого гетмана, что сопровождалось ожесточенной борьбой потенциальных кандидатов на эту роль. Украинская элита и рядовое казачество не смогли смириться с болезненным осознанием совершившегося раздела украинских территорий по линии Днепра. Все это вскоре привело к антипольским и антироссийским бунтам казачьих гетманов.

В феврале 1668 г. гетман Иван Брюховецкий отложился от России и попытался соединиться с «правобережным» гетманом Петром Дорошенко, но борьба за власть и влияние окончилась победой Дорошенко и гибелью И. Брюховецкого.

Однако Левобережная Украина с оставленным на ней Дорошенко наказным гетманом Демьяном Многогрешным уже осенью 1668 г. начала возвращаться под российскую власть, что усиливалось и движением войск Г.Г. Ромодановского в нее.

Переговоры, начавшиеся с Многогрешным, увенчались в начале марта 1669 г. Глуховской радой, на которой командующий русскими войсками на Украине кн. Григорий Григорьевич Ромодановский и стольник А.С. Матвеев окончательно восстановили российское подданство Левобережья, пойдя в «глуховских статьях» на компромисс с старшинской верхушкой, выразившийся в значительном ослаблении полномочий русской власти, выводе русских воевод и гарнизонов из «полковых» городов (при сохранении их в четырех крупней-

ших, живших по магдебургскому праву), фактической ликвидации российского налогообложения и в значительном расширении власти казацкой старшины на территории Украины⁶⁶.

Таким образом, послевоенный украинский кризис «несбывшихся надежд» украинской старшины с российской стороны был преодолен за счет того, что с весны 1669 г. российская власть сделала ставку на более тесный союз с получившей почти полный контроль над автономией украинской казацкой элитой, который в целом оправдывал себя в течение следующих сорока лет. Этот союз был еще одним побудительным мотивом, заставившим российское правительство в 1669 г. отказаться от возвращения Киева Польше и предпочесть осложнение русско-польских отношений новому казацкому мятежу, вполне вероятному в случае его возврата.

Матвеев прекрасно сознавал свою роль в его преодолении: «и свое подаяние, елико силу имел, подавал для тишины и покоя. И ваши государские подданные гетман и все войско без всякого премеенения и по сие время у вас, Великого Государя, в подданстве, и на уверение верные своей службы и детей своих к вам... прислал жить в Москве»⁶⁷.

Наградой за это уже в 1669 г. стало его назначение главой Малороссийского приказа⁶⁸, открывавшее ему путь к посту руководителя внешней политики Российского государства. До этого, где-то между июнем 1668 г. и мартом 1669 г.⁶⁹, Матвееву был пожалован чин стольника.

Таким образом, длительное восхождение стрелецкого полковника и все более тесное сближение его с государем в 1660-е гг. наконец-то дало свои плоды. Только с весны 1669 г., после «глуховской» миссии на еще бурлившую страстями Украину, закончившейся избранием гетманом на Левобережье настроенного на компромисс с Россией Демьяна Многогрешного и решением не возвращать Польше обещанный по Андрусовскому перемирию Киев⁷⁰, неродовитый Матвеев стал входить в настоящий фавор у царя и переходить на новую ступень карьеры.

Не исключено, что последним толчком, способствовавшим началу стремительного восхождения делового и распорядительного Матвеева, стала смерть первой жены Алексея Михайловича царицы Марии Ильиничны Милославской, скончавшейся после неудачных родов 3 марта 1669 г., каким-то образом изменившая в его пользу расстановку сил при дворе.

Царь искренне горевал о смерти жены, написав в ее память новую редакцию Сказания об Успении Богородицы и сочинив новый распев религиозного гимна. В пятницу перед Вербным воскресением 2 апреля 1669 г., почти совпавшую с именинами покойной царицы, приходящимися на день Марии Египетской, традиционный ежегодный поход по тюрьмам сопровождался раздачей беспрецедентно щедрой милостыни (1350 р. без пожалований сопровождавшим его стрельцам) и освобождением колодников⁷¹; еще более щедрыми раздачами сопровождались сороковины по умершей царице⁷².

Тем не менее, царь, возможно, успел в период своего вдовства летом 1669 завести короткий роман с замужней Ириной Михайловной Мусиной-Пушкиной. Будучи урожденной Еропкиной, любовница царя, вероятно, на время могла несколько усилить позиции еще «морозовского» клана Хитрово-Соковниных-Ртищевых, к которому были близки Еропкины⁷³. Впрочем, широко распространенная в литературе версия об этом романе и особенно о появлении в результате его И.А. Мусина-Пушкина, якобы почти официально признанного царем своим внебрачным сыном⁷⁴ и впоследствии часто называемого Петром своим «братом», не выдерживает критики с точки зрения хронологии: И.А. Мусин-Пушкин появился на свет за 10 лет до этих событий, в 1659 г.

Однако новые потрясения, пережитые набожным Алексеем Михайловичем в течение этого «черного» года вдовства, когда он, помимо любимой супруги, потерял еще и двух из четырех своих сыновей – потенциального и официального наследника престола, 6-летнего Симеона (14 июня 1669 г.) и почти 16-летнего Алексея (17 января 1670 г.), воспитателем которого был вскоре удалившийся от трона «ученый боярин» Ф.М. Ртищев⁷⁵ – могли ослабить влияние этого клана и способствовать возвышению А.С. Матвеева.

Возможно, вовсе не случайно «книжные» подарки царя Матвееву пришлось на апрель – май 1670 г. – то есть на время почти сразу после годовщины смерти его супруги и ее именин, почти совпавших в 1670 г. с пасхальными днями и с новыми массовыми раздачами милостыни колодникам и нищим⁷⁶. Не исключено, что они были связаны и с почти завершившимся в это время выбором царской невесты в пользу кандидатуры Н.К. Нарышкиной.

Ведь «деловой» фавор при крайней шаткости «местнических позиций» Матвеева в российской элите следовало подкрепить чем-то более надежным. Обстоятельства для этого оказались более чем бла-

гоприятными – Алексей Михайлович, потеряв в течение года сразу двух наследников, должен был стремиться к новому супружеству даже для того, чтобы избежать подобных же неожиданностей с отнюдь не отличавшимися крепким здоровьем оставшимися сыновьями и гарантировать слабеющую «мужскую линию» в наследовании престола. Результатом и стал активно лоббируемый Матвеевым уже с декабря 1669 г.⁷⁷ брак Алексея Михайловича с дочерью одного из матвеевских клиентов – почти столь же неродовитого Кирилла Полуэктовича Нарышкина (его отец после Смуты принадлежал к «городовому» провинциальному дворянству и служил «в выборе» по Тарусе, а дети входили в «жилецкий» список низших чинов Государева двора). Отец невесты, как мы уже видели, делал в 1660-е гг. ту же стрелецкую карьеру вместе со своим братом Федором, полуголовой («подполковником») в стрелецком полку, которым командовал Матвеев, пока братья Нарышкины в 1667–1668 гг. не получили под командование собственные стрелецкие полки и не отправились с ними один на юг, а другой в Смоленск⁷⁸. Альянс стрелецких офицеров был, видимо, скреплен браком племянницы Матвеева с более влиятельным старшим братом, матвеевским «подполковником» Федором Нарышкиным⁷⁹.

Брак с Натальей Кирилловной, с трудом «продавленный» Матвеевым через активное сопротивление влиятельной сестры царя царевны Ирины Михайловны (окружение которой запустило или же поддержало появившийся после передачи Б.М. Хитрово царю «подметных писем» 22 апреля 1670 г. слух о слишком «вольном» поведении царской невесты во время пребывания ее с отцом в Смоленске) лишь к поздней осени 1670 г., стал решающим фактором в его карьере.

Не исключено, что П. Бушкович несколько недооценил близость Матвеева к царю, и Наталья Кирилловна действительно в это время жила на матвеевском дворе, что облегчило ее знакомство с государем⁸⁰. Но, вероятно, и сам Алексей Михайлович испытывал симпатии к невесте, выбранной после шестимесячного (ноябрь 1669 – апрель 1670 г.) «смотрa невест» из семидесяти кандидаток, так как лично вмешался в следствие о подметных «грамотках» о бесчестии Н.К. Нарышкиной и руководил его ходом, заставляя подозреваемых при сличении почерков писать среди других и слово «Артемощка»⁸¹.

Поэтому к осени 1670 г. «Артемощка» Матвеев все-таки победил, и уже к концу ноября 1670 г. вытеснил с поста руководителя внешней политики ориентированного на выполнение Андрусовского переми-

рия и допускавшего при определенных условиях возвращение Киева Польше прежнего лидера русской дипломатии А.Л. Ордин-Нащокина⁸², склонного к тому же к переориентации внешней политики на «балтийское» направление⁸³. С этого времени Матвеев превратился в одного из главных «кураторов» политики на юго-западном направлении и посредников в отношениях с украинской старшиной; по его инициативе в 1670–1671 г. в Москве была создана еще одна интернациональная по своему населению Мещанская слобода, сконцентрировавшая на одной из городских окраин бывших подданных Речи Посполитой, осевших в столице и начинавших играть активную роль в российской торговле на западном направлении – из их среды вырос ставший позднее самым богатым купцом гостинной сотни известный торговец петровского времени М.Г. Евреинов⁸⁴.

Симптоматично, что лишь тогда Матвеев получил и свой первый думный чин – пока еще относительно скромный чин думного дворянина (27 ноября 1670 г.). 22 февраля 1671 г., через две недели после свадьбы царя с Натальей Кирилловной, Матвеев был назначен официальным руководителем Посольского приказа (которому подчинялся и Малороссийский), но только появление наследника окончательно упрочило его положение – в день рождения будущего Петра I 30 мая 1672 г. он получил околичничество вместе с отцом царицы К.П. Нарышкиным⁸⁵.

С переходом в думные чины карьера Матвеева как стрелецкого полковника завершилась – в ноябре 1670 г., после получения думного дворянства, он сложил с себя командование «трубным» стрелецким полком, которое перешло к видимо уже давно связанному с ним деловыми отношениями В.Б. Бухвостову⁸⁶.

Но без этой четвертьвековой службы в стрелецких командах, способствовавшей все более тесному сближению его с царем Алексеем Михайловичем, заключительный блистательный взлет карьеры Матвеева едва ли был бы возможен.

---

¹ Шмурло Е.Ф. Критические заметки по истории Петра Великого. ЖМНП. 1900. № 330. С. 193–202.

² Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). СПб., «Дмитрий Буланин», 2008. С. 63–66.

³ Посчитано нами по данным М.Ю. Романова (Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 206–304).

⁴ Чернов А.В. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. Вып. 38. М.,

1951. С. 285.

⁵ Глазьев В.Н. Стрельцы и их начальники в XVI в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск I. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 192–195. <<http://www.milhist.info/2013/03/28/glasiev>> (28.03/2013).

⁶ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 98.

⁷ Мордовина С.П. Характер дворянского представительства на Земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. С. 60.

⁸ Срынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 146–150.

⁹ Подсчитано по: Белокуров С.А. Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165–7183. М., 1908. С. 1–31. В Дворцовых разрядах за тот же период их участие никак не отражено.

¹⁰ Акты Московского Государства, Т. 2. М., 1894. С. 263.

¹¹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 249.

¹² В связи с частой сменой полковников удобнее давать название приказа по месту локализации его слободы в Москве.

¹³ Городские восстания в Московском государстве XVII в. (переиздание сборника 1936 г. К.В. Базилевича) М., 2003. С. 96–103; Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 131–132, где он назван «Савкой Корениным».

¹⁴ Петрухинцев Н., Смирнов А. Брак по расчету. [К истории проблемы воссоединения Украины с Россией в 1654 г.] // Родина. 2004. № 1. С. 14–19.

¹⁵ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 273.

¹⁶ Матвеев А.С. История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776. С. 43–44.

¹⁷ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 17.

¹⁸ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 45.

¹⁹ Там же. С. 46–47; Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 251, 95; Белокуров С.А. Дневальные записки ... С. 24.

²⁰ Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 302.

²¹ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи ... С. 171–174, 184–194, 255–261; Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 47.

²² Marshall T. Poe. The Russian Elite in the Seventeenth Century. 1613–1713. Vol. 1. Vammala. 2004. P. 421.

²³ Белокуров С.А. Дневальные записки ... С. 1–31; 33–101.

²⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малороссии. Ч. II. М., 1830. С. 26.

²⁵ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 251.

²⁶ Матвеев А.С. История о невинном заточении ... С. 46.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 65.

²⁹ Там же. С. 67–68.

³⁰ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 48.

³¹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 251.

³² Там же. С. 95.

³³ Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2003. С. 120.

³⁴ РИБ. Т. 23. М., 1904. Ст. 476.

- ³⁵ Там же. Ст. 494–495, 502, 507, 518, 523.
- ³⁶ Там же. Ст. 507.
- ³⁷ Подсчитано по: там же.
- ³⁸ Там же. Ст. 503, 508–509, 514.
- ³⁹ Белокуров С.А. Дневальные записки... С. 30.
- ⁴⁰ РИБ. Т. 23. Ст. 609.
- ⁴¹ Берх В.Н. Царствование Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. I. С. 159–160.
- ⁴² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 183.
- ⁴³ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 65.
- ⁴⁴ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 75.
- ⁴⁵ РИБ. Т. 23. Ст. 1256.
- ⁴⁶ Там же. Ст. 1100, 1595.
- ⁴⁷ Там же. Ст. 1641.
- ⁴⁸ Там же. Ст. 596, 599–600.
- ⁴⁹ Подсчитано по: Белокуров С.А. Дневальные записки... С. 33–101.
- ⁵⁰ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 253.
- ⁵¹ РИБ. Т. 23. Ст. 973–974, 1623.
- ⁵² Там же. Ст. 559.
- ⁵³ Там же. Ст. 956.
- ⁵⁴ Романов М.Ю. Стрельцы московские... С. 53.
- ⁵⁵ РИБ. Т. 23. Ст. 619, 635, 708, 727–730.
- ⁵⁶ Там же. Ст. 768–769, 800, 806, 876.
- ⁵⁷ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 75–76.
- ⁵⁸ РИБ. Т. 23. Ст. 559, 596, 619, 872, 888, 903, 912, 973–974.
- ⁵⁹ Там же. Ст. 1650, 1651.
- ⁶⁰ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 353.
- ⁶¹ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., «Наука», 1991. С. 212–217.
- ⁶² Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 49.
- ⁶³ РИБ. Т. 23. Ст. 1488.
- ⁶⁴ Молева Н.М. Музыка и зрелища в России XVII столетия // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 152.
- ⁶⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. М., 1991. С. 346–347; 350–351.
- ⁶⁶ Там же. С. 372–373.
- ⁶⁷ Матвеев А.С. История о невинном заточении... С. 49–50.
- ⁶⁸ Бушкович П. Петр Великий... С. 62, 69.
- ⁶⁹ Еще в мае – июне 1668 г. (например, на отпускной аудиенции патриарха Макария 5 июня 1668 г.) Матвеев упоминается с прежним чином полковника и головы (РИБ. Т. 23. Ст. 1488; ПСЗ. Т. I. № 429. С. 743), но на Глуховскую раду отправляется уже в чине стольника.
- ⁷⁰ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малороссии. Ч. II. М., 1830. С. 116–118.
- ⁷¹ РИБ. Т. 23. Ст. 1003–1005.
- ⁷² Там же. Ст. 1027–1072.
- ⁷³ Седов П.В. Закат Московского царства. СПб., 2008. С. 97–99.
- ⁷⁴ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 588.

- ⁷⁵ Седов П.В. Закат... С. 113–114.
- ⁷⁶ РИБ., Т. 23. Ст. 1300–1302.
- ⁷⁷ Бушкович П. Петр Великий... С. 66.
- ⁷⁸ Там же. С. 63–64; Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 96.
- ⁷⁹ Бушкович П. Петр Великий... С. 68, 107.
- ⁸⁰ Бушкович П. Петр Великий... С. 68–69; Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 594; Седов П.В. Закат... С. 115–117.
- ⁸¹ Андреев И.Л. Алексей Михайлович... С. 589–590, 593–596.
- ⁸² Там же. С. 564–565.
- ⁸³ Седов П.В. Закат... С. 119–121.
- ⁸⁴ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 340–342.
- ⁸⁵ Бушкович П. Петр Великий... С. 69.
- ⁸⁶ Романов М.Ю. Стрельцы московские. С. 253.